

КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТАРООБРЯДОВЕДЕНИЯ*

Аннотация. *Описывается актуальность создания научной антологии, посвященной русскому старообрядчеству в его истории и современности, культуре и ментальности. Русское старообрядчество – один из важнейших духовных, социальных, экономических и культурных феноменов в истории России, и обращение к его интеллектуальному наследию востребовано современным научным сообществом для прояснения уникального курса развития России в мировом сообществе цивилизаций. Старообрядчество, выработавшее за столетия параллельного сосуществования с Российской империей собственные противодействия западническому курсу, сегодня является арсеналом духовных, интеллектуальных и культурных методов сопротивления вестернизации, информационному капитализму и одномерной глобализации. В старообрядчестве выработаны ментальные механизмы, актуальные и в наши дни для разработки стратегий устойчивого развития в условиях многополярной глобализации, построения социального государства на основе суверенной демократии и прочих современных социально-политических реалий. Для полноты изучения старообрядческого феномена в антологию должны быть включены как основные старообрядческие тексты, так и знаковые исследовательские и философские работы, посвященные староверию. Подбор старообрядческих текстов призван иллюстрировать различные течения старообрядческой мысли в разные эпохи, представляющие древлеправославие как идеологию, как мировоззрение, как ментальность, как образ жизни. Подбор текстов о старообрядчестве должен дать объективную картину места и роли древлеправославия в истории и современности России. Редакторскую работу необходимо строить на предварительно выработанной методологии, препятствующей восприятию староверия в этнографическом или в историко-музейном формате. Староверие должно быть представлено читателю в свете своих нынешних культуротворческих возможностей.*

Ключевые слова: старообрядчество; староверие; древлеправославие; старообрядоведение; «параллельная Россия»; российская цивилизация; русская культура.

Abstract. *The article describes the urgency of creating a scientific anthology dedicated to the Russian Old Believers. Russian Old Believers are one of the most important spiritual, social, economic and cultural phenomena in the history of Russia. Attention to the Old Believer intellectual heritage is relevant*

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00010-а «Православное старообрядчество как один из ликов российской цивилизации».

for clarifying the course of Russia's development in the world community of civilizations. Over the centuries of coexistence with the Russian Empire, the Old Believers developed their own counteractions to the Western path. Nowadays the Old Believers are an arsenal of spiritual, intellectual and cultural methods of resistance to Westernization. A selection of Old Believer texts should illustrate the various trends of Old Believer thought in different epochs, to see the Old Believers as ideology, as a world view, as a mentality, as a way of life. The collection of texts on the Old Believership should give an objective picture of the place of the Ancient Orthodoxy in the history and present time of Russia. Editorial work should be based on a special methodology, so as not to perceive the Old Believers in an ethnographic or historical-museum format. Old Believer should be presented to the reader in the light of his current opportunities for building a new great culture.

Keywords: *Old Believers; Ancient Orthodoxy; Old Believer studies; "Parallel Russia"; Russian Civilization; Russian culture.*

Современная
социокультурная
ситуация как
окончание поиска
цивилизационных
оснований. Значение
старообрядчества и
старообрядоведения

По всей видимости, поиск идеологических оснований для новой России, являвшийся в 1990-е большим местом любой дискуссии, а в 2000-е – основной темой гуманитарных исследований, сегодня близок к завершению. И российское общество, и властные круги остановили свой ментальный и интеллектуальный поиск на идеологиях динамического консерватизма, социальной солидарности и субсидиарности, на традиционных ценностях и демократическом патернализме. Поиски современного исследователя теперь направлены к интеллектуальным, социальным и духовным примерам в истории России, способным вдохновить сочленение курсов на эффективное управление, суверенную демократию, социальное благополучие, этноконфессиональную стабильность, экономическую самостоятельность и духовную независимость.

Учитывая специфику всей политической истории России, следует заметить, что подобных прецедентов весьма немного и одним из наиболее ярких примеров соединения всех упомянутых курсов, несомненно, является русское старообрядчество.

В последние годы
число российских
исследований
староверия
неуклонно
возрастало

В последние годы число российских исследований староверия неуклонно возрастало. Ученые-старообрядоведы все чаще стали выходить за рамки историко-описательного, археографического, этнографического форматов в области семиотики [1; 2] и аналитической культурологии [3–6], исследований старообрядческой ментальности [7–10] и повседневности [11], смелых биографических [12–14], историософских [15–23], кросскультурных [24; 25], социально-философских [26–28] и геополитических [29–31] обобщений.

Вес старообрядчества в российском обществе постоянно повышался в 1990–2000-е годы, о чем свидетельствует и рост числа приходов старообрядческих согласий, и расширение участия старообрядческих представителей в общественно-политической деятельности, и популярность самих тем древлеправославия и Раскола в современном медийном дискурсе.

Актуальность старообрядчества для осознания альтернативных путей развития русской цивилизации и культуры

Русское православное старообрядчество являлось и является одним из наиболее ярких образов «параллельной России». Посредством ненасильственного сопротивления западническому и во многом ненародному курсу властей и аристократической верхушки старообрядцы планомерно созидали свое социально-экономическое чудо, всячески содействуя внутренней колонизации отечественных просторов, российской научно-технической и экономической модернизации, просвещению и демократизации общества, вдохновляли русскую творческую интеллигенцию.

Старообрядцы преуспели в созидании и балансировке социума

Старообрядцы преуспели в созидании и балансировке социума, всецело завязанного на традиционных ценностях, но в то же время необычайно гибко реагирующего на изменения внешней среды, вплоть до создания своих «островков Святой Руси» на инокультурной чужбине. В отличие от иных примеров «параллельной России» – хлыстов, скопцов или субботников, староверы оставались чужды сковывающему интеллектуальному догматизму и сектантскому отношению к окружающему миру. Несомненно, отгородительная позиция была спутницей древлеправославия на всем периоде его существования, но она всегда с лихвой перекрывалась тенденциями к конструктивности, толерантности, стремлению к диалогу и сотрудничеству.

Старообрядчество как пример «параллельной России» в глазах ученых, мыслителей, политиков и идеологов

Древлеправославие – духовный, ментальный и культурный феномен русской истории. Оно включает в себя все рода консервативного мышления в их противостоянии и взаимодействии, неизменную рефлекссию на исторический опыт и условия своего бытия и саморефлексию как на правило жизни. Старообрядчество, во всем цвете своих согласий и толков, всегда внимательно относилось к самим цивилизационным основаниям России, и сохранение этих оснований – во многом заслуга староверов, берегших древние книги, летописи, традиции древнего народного творчества – материального и духовного. С XIX века старообрядческие династии были основными покровителями большого числа деятелей «русского модерна» во всех его направлениях – от традиционалистского до авангардистского [16, с. 44].

Интеллектуальный авангард всегда вдумчиво изучал западнический дискурс

Интеллектуальный авангард старообрядческих сословий – богословы и проповедники, философы и писатели, сказители и певцы, иконописцы и книгопечатники, коллекционеры и меценаты всегда вдумчиво изучали западнический дискурс, сторонясь его, но в то же время признавая мощь его позиций в российской цивилизации. Они выпестовывали оригинальные мировоззренческие программы «ненасильственного сопротивления» неприемлемому для православных традиционалистов миропорядку [15, с. 59], делая упор на социальное строительство и хозяйственную деятельность, меценатство и благотворительность. Материализация старообрядческой идеи в виде самодостаточных общин – условие, воспрепятствовавшее переходу староверия в область фантастического дискурса или архетипа.

Носители эскапистского и сектантского сознания также имели место в старообрядчестве

Безусловно, носители эскапистского и сектантского сознания также имели место в старообрядчестве в его трехсотлетней истории [6, с. 101]. Однако всевозможные сопротивленцы и самосожженцы, *во-первых*, встречали со стороны основной части староверов не менее жесткую отповедь, чем со стороны силовых структур Российского государства и миссионеров официальной церкви. *Во-вторых*, носители соответствующего типа сознания всегда консолидировались в обособленные группы, сторонясь либерализма своих вчерашних собратьев по вере. Именно поэтому сектантское сознание не распространялось по основной массе староверов, оставаясь уделом осуждаемых маргиналов [15, с. 60].

Возрождение старообрядоведения на изломе советского периода. Старообрядцы и контуры «новой России»

Русское старообрядчество – замечательный пример суверенной, национальной демократии. Начала соборности, истари присущие православному сознанию, в староверии не только сохранились, но и повлияли на управление самодостаточными хозяйственными общинами – Выговским общежитием, Керженскими монастырями, Покровской и Рогожской слободами и пр. Не приемля волюнтаризма и диктатуры, староверы в то же время не рассматривали демократию («соборность») как этос вседозволенности и нигилизма [10, с. 74–75]. Старообрядческая деятельность оставалась деятельностью свободных и активных людей, легко создававших коммуникации и сообщества, но на основе традиционных православных ценностей. Вопросы мультикультурализма и аккультурации, толерантности и терпимости, сексизма и ювенальной юстиции, будоражащие умы сегодняшних гуманитариев, видящих для себя необходимость сопротивляться западному культурному коду, давно были проговорены и по-разному разрешены в старообрядческих согласиях.

История старообрядческой мысли и письменности – кладезь знаний

История старообрядческой мысли и письменности – кладезь знаний для выработки стратегий устойчивого развития и неконфликтного, самодостаточного существования России в условиях многополярной глобализации. К такой максиме, начиная с Д.С. Лихачева и А.И. Солженицына, в 2000-е годы пришли многие деятели русской культуры, писатели, мыслители. Однако остались весьма серьезные методологические проблемы изучения древлеправославия, на одном полюсе которых – музейное представление о староверии, на другом – фантастическое, не подтвержденное реальной жизнью и историей. Поэтому создание антологии старообрядческой письменности – ответственное и беспрецедентно сложное дело.

Создание антологии старообрядческой письменности – ответственное и сложное дело

Антология должна содержать как собственно старообрядческие тексты, так и тексты о старообрядчестве. Но прежде читатель должен увидеть ситуацию раскола XVII века: его причины, ход, последствия – все эти нюансы должны быть «перекинуты» через тьму веков в наше время для осознания актуальности и вневременности многих ментальных процессов, создавших и вышедших старообрядчество как культурный и духовный феномен [9, с. 19]. Для этого состав антологии должен быть лишен ставшего обычным историко-описательного, археографического подхода (с одной стороны) и его этнографическо-описательной альтернативы (как мнимо-актуальной противоположности). Старообрядчество должно быть представлено современному читателю в его зарождении, развитии, саморефлексии, во взаимоотношении с окружающими духовными, интеллектуальными, ментальными, культурными, политическими и социальными реалиями. Староверие должно предстать на страницах антологии не как музейный экспонат или сомнительный в своей востребованности артефакт, не как почва для микроскопических этнографических изысканий, но как мощный культуротворческий арсенал – многообразный и противоречивый, сложный и цельный, изменчивый и консервативный, традиционалистический и традиционный.

Необходимость и актуальность создания старообрядческой антологии нового типа

Наиболее привлекательные для нас детали древлеправославия – культ образованности и книжности, логоцентризм и сохранность языка, соборность и здравый национализм, самоорганизация и сетевые коммуникации, патриархальность уклада и традиционность ценностных оснований – не являлись изначально продуктами некой старообрядческой идеологии. Эти ментальные и мировоззренческие особенности формировались в

старообрядчестве на протяжении столетий, проходя через конкурентную борьбу своих версий, обкатываясь в специфичном быте, в самозамкнутой культуре и общинном хозяйствовании, расцветая в географической изоляции и борьбе с инокультурными влияниями. Посему эти детали старообрядческого менталитета актуальны в современной России, смело обозначающей свое присутствие в пространстве и времени в эру грандиозных геополитических перемен.

Составительско-редакторская работа как род исследовательской деятельности

Антология должна показать зарождение, развитие, диалог различных старообрядческих интеллектуальных и духовных течений, по-своему осмысливающих изменение политического курса официальной России и новейшие экономические и социальные реалии. Конкретнее, *первый блок* сборника должен содержать:

- работы основоположников старообрядчества как типа мировоззрения;
- письменные примеры поляризации основных старообрядческих ментальных установок, приведших к образованию различных согласий во всем их цвете;
- труды деятелей старообрядческой идеологии, формировавшейся в результате дискуссий и диалогов, ментальных сближений и разделений;
- наиболее яркие примеры старообрядчества позднего, зрелого, «светского».

Диалогический характер антологии

Второй блок должен включать все виды внешней реакции на феномен старообрядчества:

- работы официальных клерикальных миссионеров, «обличающих» и «разоблачающих» «раскольников»;
- труды консервативных историков, рассматривавших староверие в антигосударственническом формате;
- работы либеральных историков, переоткрывших староверие и пласт древнерусской культуры, на котором староверие выросло;
- светские «отзывы» на старообрядческую духовность, культуру, письменность со стороны светских мыслителей и писателей конца XIX – начала XX века – времени слома прежней цивилизационной парадигмы в России.

Третий блок должен содержать советские и современные исторические, культурологические, семиотические, социологические, этнографические, экономические исследования старообрядчества.

Разработке специальной методологии антологии требуется отдельный очерк

Приведенный перечень не является планом антологии; конкретная структура и перечень включенных текстов и отрывков требовали предварительной разработки специальной методологии, которой должен быть посвящен отдельный очерк.

Древлеправославие должно быть перенесено из музейного формата в культуротворческий

Отличительной чертой нашего сборника должна стать особенная редакторская работа, препятствующая историко-этнографической дискурсивности: обширные биографические, историографические, культурологические и религиоведческие справки должны помочь перенести древлеправославие из музейного формата в культуротворческий.

Особо важна антиидеологическая редакторская работа

Особо важна антиидеологическая редакторская работа: указание всех мест расхождения оценок и плюрализма интерпретаций составителей и редакторов антологии. Составители – известные исследователи разных сторон старообрядчества – по ряду вопросов стоят на разных позициях; данный факт должен быть явлен читателю, в этом-то и состоит уникальная диалогическая направленность нашей работы, вовлекающей читателя в осмысленные актуальных данностей старOVERия.

Подводя итоги

Подытожим: антология актуальна не для ознакомления со старообрядчеством, а для изучения возможностей цивилизационной стойкости и культурного цветения в неравновесной геополитической ситуации. Именно поэтому методология составления и редакторской обработки особо важна для такого сборника, но это, как было оговорено ранее, тема уже другой статьи.

1. *Кожурин К.Я.* Богослужение как основа мирозерцания и культурной деятельности старообрядцев // Вестник ЛенГУ им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 4. – С. 69–77.

2. *Расков Д.Е.* Эсхатология и активность в миру староверов // Христианское чтение. – 2012. – № 6. – С. 82–94.

3. *Баев В.Г., Давыденкова А.Г.* Категория «духовность» в контексте старообрядческой культуры // Вестник ЛенГУ им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 1. – С. 220–228.

4. *Мурашова Н.С.* Персоносфера старообрядческого духовного стиха // Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 45. – С. 71–85.

5. *Потехина Е.А.* Повседневная жизнь крестьянина-старообрядца // Russian Peasant Studies. – 2017. – Vol. 2. – № 1. – С. 77–89.

6. *Пулькин М.В.* Историческая суицидология: по материалам старообрядческих самосожжений // Культурно-историческая психология. – 2012. – № 2. – С. 96–103.

7. *Урушев Д.А.* Художественное воплощение образа в ранней старообрядческой литературе // Ценности и смыслы. – 2010. – № 4. – С. 116–123.

8. *Аторин Р.Ю.* Религиозное мировоззрение протопопа Аввакума и влияние его деятельности на развитие эkkлесиологии старообрядчества: дис. ... канд. филос. наук. – Белгород, 2009.
9. *Шахов М.О.* Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. – М., 2001.
10. *Чистяков Г.С.* Старообрядческая соборность как форма консервативной демократии // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья: труды ВНК к 40-летию полевых археографических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова. Ч. 2. История, книжность и культура русского старообрядчества. – Ярославль, 2008. – С. 73–75.
11. *Кожурин К.Я.* Повседневная жизнь старообрядцев. – М., 2014.
12. *Кожурин К.Я.* Боярыня Морозова. – М., 2012 (серия «Жизнь замечательных людей»).
13. *Кожурин К.Я.* Духовные учителя сокровенной Руси. – СПб., 2007.
14. *Кожурин К.Я.* Протопоп Аввакум: Жизнь за веру. – М., 2013 (серия «Жизнь замечательных людей»).
15. *Бобков А.И.* Русский раскол как философское противостояние соборности и квазирелигиозности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2017. – Т. 19. – С. 57–62.
16. *Глинчикова А.Г.* Раскол или срыв «русской Реформации»? – М., 2008.
17. *Керов В.В.* Между традиционализмом и модернизацией. Статья 1. Кризис русской духовной культуры XVII века и идея оцерковления жизни // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 111–125.
18. *Кожурин К.Я.* Теории южно-западнорусских богословов как источник старообрядческой историософии // Известия СПбГАУ. – 2015. – Спецвыпуск к 111-летию СПбГАУ. – С. 55–58.
19. *Пыжиков А.В.* Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. – М., 2016.
20. *Расков Д.Е.* Экономические институты старообрядчества. – СПб., 2012.
21. *Товбин К.М.* Церковный раскол XVII века как столкновение ментальных проектов // Этносоциум и межнациональная культура. – 2013. – № 1. – С. 109–120.
22. *Урушев Д.А.* Начало русской драмы // История в подробностях. – 2013. – № 7 (37). – С. 20–25.
23. *Хирьянова Л.В.* Мировоззренческие предпосылки церковного раскола XVII века как отражение тенден-

ций современной старообрядческой культуры // Общество и этнополитика: материалы III НПК СибАГС / ред. Л.В. Савинов. – Новосибирск, 2010. – С. 209–216.

24. Агеева Е.А. Старообрядцы в мусульманском окружении: опыт взаимодействия // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VI МНПК. – Улан-Удэ, 2015. – С. 20–26.

25. Бубнов Н.Ю. Путешествие уральских казаков в Беловодское царство: погоня за призраком // Петербургская библиотечная школа. – 2016. – № 4 (56). – С. 54–63.

26. Баев В.Г., Воронова-Оренбургская С.О. Социальная философия старообрядчества // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2011. – Вып. 22. – № 30. – С. 27–31.

27. Муравьев А.В. Социальная альтернатива русского старообрядчества. Ч. 2 // Социальная реальность. – 2010. – № 10. – С. 35–47.

28. Романова Е.В. Массовые сожжения в старообрядчестве в России в XVII–XIX веках. – СПб., 2012.

29. Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А. Из России через Азию в Америку. – Владивосток, 2013.

30. Дутчак Е.Е. Геополитическая символика сквозь призму эсхатологии // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3. – С. 163–172.

31. Урушев Д.А. Тайна Святой Руси: История старообрядчества в событиях и лицах. – М., 2013.

References

1. Kozhurin K.Ya. Bogosluzhenie kak osnova mirosozertsaniya i kul'turnoj deyatel'nosti staroobryadtsev [Divine service as the basis of the world outlook and cultural activity of the Old Believers]. In: *Vestnik LenGU im. A.S. Pushkina*, 2012, no. 4, pp. 69–77 (in Russian).

2. Raskov D.E. Eskhatologiya i aktivnost' v miru staroverov [Eschatology and civic activism of the Old Believers]. In: *Khristianskoe chtenie*, 2012, no. 6, pp. 82–94 (in Russian).

3. Baev V.G., Davydenkova A.G. Kategoriya “dukhovnost” v kontekste staroobryadcheskoj kul'tury [The category of “spirituality” in the context of the Old Believer culture]. In: *Vestnik LenGU im. A.S. Pushkina*, 2012, no. 1, pp. 220–228 (in Russian).

4. Murashova N.S. Personosfera staroobryadcheskogo dukhovnogo stikha [Personosphere of the Old Believer's spiritual verse]. In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2017, vol. 45, pp. 71–85 (in Russian).

5. Potekhina E.A. Povsednevnyaya zhizn' krest'yanina-starobryadtsa [The daily life of an old-believer peasant]. In: *Russian Peasant Studies*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 77–89 (in Russian).

6. Pul'kin M.V. Istoricheskaya suitsidologiya: po materialam starobryadcheskikh samosozhzhenij [Historical suicidology: based on Old Believer self-immolation]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2012, no. 2, pp. 96–103 (in Russian).

7. Urushev D.A. Khudozhestvennoe voploshchenie obraza v rannej starobryadcheskoj literature [The artistic embodiment of the image in the early Old Believer literature]. In: *Tsennosti i smysly*, 2010, no. 4, pp. 116–123 (in Russian).

8. Atorin R.Yu. *Religiozno mirovozzrenie protopopa Avvakuma i vliyanie ego deyatel'nosti na razvitie ekklesologii starobryadchestva* [The religious outlook of the archpriest Avvakum and the influence of his activity on the development of the ecclesiology of the Old Believers]. PhD dissertation (Philosophy). Belgorod, 2009 (in Russian).

9. Shakhov M.O. *Starobryadcheskoe mirovozzrenie: Religiozno-filosofskie osnovy i sotsial'naya pozitsiya* [Old Believer Worldview: Religious-philosophical foundations and social position]. Moscow, 2001 (in Russian).

10. Chistyakov G.S. Starobryadcheskaya sobornost' kak forma konservativnoj demokratii [Old Believers 'sobornost' as a form of conservative democracy]. In: *Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya: trudy VNK k 40-letiyu polevykh arkheograficheskikh issledovaniy MGU im. M.V. Lomonosova*. Part 2. Istoriya, knizhnost' i kul'tura russkogo starobryadchestva. Yaroslavl', 2008, pp. 73–75 (in Russian).

11. Kozhurin K.Ya. *Povsednevnyaya zhizn' starobryadtsev* [The daily life of the Old Believers]. Moscow, 2014 (in Russian).

12. Kozhurin K.Ya. *Boyarynya Morozova*. Moscow, 2012 (seriya "Zhizn' zamechatel'nykh lyudej") (in Russian).

13. Kozhurin K.Ya. *Dukhovnye uchitelya sokrovennoj Rusi* [Spiritual teachers of the hidden Russia]. St. Petersburg, 2007 (in Russian).

14. Kozhurin K.Ya. *Protopop Avvakum: Zhizn' za veru* [Protopope Avvakum: Life for the Faith]. Moscow, 2013 (seriya "Zhizn' zamechatel'nykh lyudej") (in Russian).

15. Bobkov A.I. Russkij raskol kak filosofskoe protivostoyanie sobornosti i kvazireligioznosti [Russian schism as a philosophical opposition to conciliarism and quasi-religiousness]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudar-*

stvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie", 2017, vol. 19, pp. 57–62 (in Russian).

16. Glinchikova A.G. *Raskol ili sryv "russkoj Reformatsii"?* [Schism or failure of the "Russian Reformation"?]. Moscow, 2008 (in Russian).

17. Kerov V.V. Mezhdru traditsionalizmom i modernizatsiej. Stat'ya 1. Krizis russkoj dukhovnoj kul'tury XVII veka i ideya otserkovleniya zhizni [Between traditionalism and modernization. Article 1. The crisis of Russian spiritual culture of the XVII century and the idea of the churching of life]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2010, no. 5, pp. 111–125 (in Russian).

18. Kozhurin K.Ya. Teorii yuzhno-zapadnorusskikh bogoslovov kak istochnik staroobryadcheskoj istoriosofii [Theories of South-West Russian theologians as a source of Old Belief historiosophy]. In: *Izvestiya SPbGAU*, 2015, Spetsvyпуск k 111-letiyu SPbGAU, pp. 55–58 (in Russian).

19. Pyzhikov A.V. *Grani russkogo raskola. Tajnaya rol' staroobryadchestva ot 17 veka do 17 goda* [The frontiers of the Russian split. The secret role of the Old Believers from the 17th century to 1918]. Moscow, 2016 (in Russian).

20. Raskov D.E. *Ekonomicheskie instituty staroobryadchestva* [Economic institutions of the Old Believers]. St. Petersburg, 2012 (in Russian).

21. Tovbin K.M. Tserkovnyj raskol XVII veka kak stolknovenie mental'nykh proektov [Church schism of the XVII century as a clash of mental projects]. In: *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, 2013, no. 1, pp. 109–120 (in Russian).

22. Urushev D.A. Nachalo russkoj dramy [The beginning of Russian drama]. In: *Istoriya v podrobnostyakh*, 2013, no. 7 (37), pp. 20–25 (in Russian).

23. Khir'yanova L.V. Mirovozzrencheskie predposylki tserkovnogo raskola XVII veka kak otrazhenie tendentsij sovremennoj staroobryadcheskoj kul'tury [World outlook preconditions of the 17th century church schism as a reflection of the tendencies of the modern Old Believer culture]. In: *Obshchestvo i etnopolitika: materialy III NPK SibAGS*. Ed. L.V. Savinov. Novosibirsk, 2010, pp. 209–216 (in Russian).

24. Ageeva E.A. Staroobryadtsy v musul'manskom okruzhenii: opyt vzaimodejstviya [Old Believers in the Muslim environment: the experience of interaction]. In: *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy VI MNPk*. Ulan-Ude, 2015, pp. 20–26 (in Russian).

25. Bubnov N.Yu. Puteshestvie ural'skikh kazakov v Belovodskoe tsarstvo: pogonya za prizrakom [The

Journey of the Urals Cossacks to the Belovodsky Kingdom: the chase for the ghost]. In: *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola*, 2016, no. 4 (56), pp. 54–63 (in Russian).

26. Baev V.G., Voronova-Orenburgskaya S.O. Sotsial'naya filosofiya staroobryadchestva [Social philosophy of the Old Believers]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*, 2011, issue. 22, no. 30, pp. 27–31 (in Russian).

27. Murav'ev A.V. Sotsial'naya al'ternativa russkogo staroobryadchestva [Social alternative to the Russian Old Believers]. Part 2. In: *Sotsial'naya real'nost'*, 2010, no. 10, pp. 35–47 (in Russian).

28. Romanova E.V. *Massovye sozhzheniya v staroobryadchestve v Rossii v XVII–XIX vekakh* [Mass burnings in the Old Believers in Russia in the 17th–19th centuries]. St. Petersburg, 2012 (in Russian).

29. Argudyaeva Yu.V., Khisamutdinov A.A. *Iz Rossii cherez Aziyu v Ameriku* [From Russia through Asia to America]. Vladivostok, 2013 (in Russian).

30. Dutchak E.E. Geopoliticheskaya simbolika skvoz' prizmu eskhatologii [Geopolitical symbols through the prism of eschatology]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2010, no. 3, pp. 163–172 (in Russian).

31. Urushev D.A. *Tajna Svyatoj Rusi: Istoriya staroobryadchestva v sobytyakh i litsakh* [Mystery of Holy Russia: History of Old Believers in Events and Persons]. Moscow, 2013 (in Russian).

